

НИКОЛАЙ ПОДОСОКОРСКИЙ

ЛАКЕЙ СМЕРДЯКОВ КАК ПОЧИТАТЕЛЬ НАПОЛЕОНА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

Образ лакея Смердякова, персонажа последнего и итогового романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879 — 1880), на многие десятилетия стал в русской критике, публицистике и художественной литературе символом антигосударственных настроений, презрения к России, приземленности души и раболепия перед Западом. Д. С. Мережковский в сборнике «В тихом омуте» (1896 — 1915) поставил в один ряд «позитивную пошлость», «хамство» и «смердяковщину» русской интеллигенции¹. Н. А. Бердяев в работе «Духи русской революции» (1918) назвал «смердяковщину» низкой, лакейской стороной русского нигилизма². А. З. Штейнберг в книге «Система свободы Ф. М. Достоевского» (1923) писал, что Достоевский заставил «позитивизм развиться до смердяковщины»³. И. Бабель в заметке «Ложь, предательство, смердяковщина» (1937) клеймил уже «врагов» советской власти как новых смердяковых⁴. Не менее резок по отношению к «смердяковщине», объединяющей не только тип Смердякова, но и других героев Достоевского вроде Фомы Фомича Опискина, был и писатель-эмигрант В. Е. Максимов. В его романе «Семь дней творения» (1971) читаем: «Смердяковщина захлестнула Россию. Дорогу его величеству, господину Смердякову... Все можно, все дозволено!.. Фомы Фомичи вышли делать политику... И они еще спялят мир»⁵.

Для представителей самых разных литературных партий и направлений Смердяков оказался очень удобным и любимым сравнительным примером, используемым в целях развенчания идеологических противников. Главное, что объединяет подобные оценки Смердякова и «смердяковщины», — это, как правило, полное игнорирование жизненной трагедии конкретного героя Достоевского и контекста, в котором им и была высказана ненависть к России. А этот контекст, как всегда у Достоевского, чрезвычайно важен, и если как

Николай Николаевич Подосокорский — филолог, критик. Родился в 1984 году в Новгородской области. Окончил исторический факультет Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (НовГУ). Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Автор многочисленных научных трудов, специалист по творчеству Ф. М. Достоевского и русской литературе XIX — XXI веков. Живет в Великом Новгороде.

¹ Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 16. М., Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1914, стр. 60.

² Бердяев Н. А. Духи русской революции. — Манифесты русского идеализма. М., «Астрель», 2009, стр. 692.

³ Штейнберг А. З. Система свободы Ф. М. Достоевского. Paris, «YMCA-press», 1980, стр. 35.

⁴ Бабель И. Ложь, предательство, смердяковщина. — «Литературная газета», 1937, № 5 (641), 26 января, стр. 4.

⁵ Максимов В. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М., «ТЕРРА», 1991, стр. 213.

следует вчитаться в текст романа, то можно увидеть, откуда выросли *антипатриотизм* Павла Смердякова и его преклонение перед неудачливым завоевателем России Наполеоном.

I

Свою знаменитую *антивоенную* и *русофобскую* тираду Смердяков произносит в беседе с Марьей Кондратьевной. Непризнанный член карамазовского семейства заявляет, что ненавидит Россию и желает уничтожения ее армии:

«— <...> Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна.

— Когда бы вы были военным юнкерочком али гусариком молоденьким, вы бы не так говорили, а саблю бы вынули и всю Россию стали бы защищать.

— Я не только не желаю быть военным гусариком, Марья Кондратьевна, но желаю, напротив, уничтожения всех солдат-с.

— А когда неприятель придет, кто же нас защищать будет?

— Да и не надо вовсе-с. В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с» (14, 205)⁶.

Отметим, что ненависть к России отнюдь не является в романе отличительной чертой одного Смердякова, но можно сказать, что она досталась ему по наследству от его настоящего отца, провинциального помещика. Федор Павлович Карамазов, как и его сын-лакей, также любил иногда за коньячком поругать Россию по-русски и по-французски: «А Россия свинство. Друг мой, если бы ты знал, как я ненавижу Россию... то есть не Россию, а все эти пороки... а пожалуй, что и Россию. Tout cela c'est de la cochonnerie [Все это свинство (франц.)]» (14, 122).

Предательские настроения, подобные смердяковским, изображались и ранее в русской литературе, но писателями даже не второго, а третьего ряда. Можно, к примеру, вспомнить повесть В. А. Ушакова «Хамово отродье. Картина русского быта», опубликованную в третьем выпуске антологии «Сто русских литераторов» (1845). Критик В. Г. Белинский в своем подробном разборе названного сборника особенно уничижительно отозвался об этом произведении: «...повесть его „Хамово отродье“ (картина русского быта) — верх бездарности, дурного тона, скуки, вялости, растянутости и пустословия. Беспутно воспитанного дворянчика обворовывает его лакей, которого в детстве нещадно пороли за шалости барина. Дворянин промотался, и его имение перешло в руки его же холопа, который сумел сделаться чиновником. Сын этого холопа, непричастный грехам отца и воспитанный гораздо лучше, нежели был воспитан барин его отца, во время нашествия Наполеона переходит в службу неприятеля, сражается против русских и потом зло погибает, как подобает изменнику, — погибает не от презрения общественного, а от ран... И между тем он был, по словам сочинителя, не зол, не развратен, не порочен; вся беда вышла, во-первых, от холопской крови, во-вторых, оттого, что строгому правосудию морального сочинителя необходимо было погибелью сына наказать преступления отца»⁷.

Экстравагантное поведение лакея Смердякова спустя полвека после событий войны 1812 года вызвано его бунтом против отца земного и Отца Небесного. И, надо полагать, его очарованность Наполеоном — еще одно следствие этого бунта. Вспомним, как происходило начальное обучение Смердякова всемирной истории: «Федор Павлович запретил наистрожайше Григорию наказывать

⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., «Наука», 1972 — 1990. Здесь и далее при цитировании этого издания в скобках в тексте указаны том и страница.

⁷ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 9. М., Издательство Академии наук СССР, 1955, стр. 270.

мальчишку телесно и стал пускать его к себе наверх. Учить его чему бы то ни было тоже пока запретил. Но раз, когда мальчику было уже лет пятнадцать, заметил Федор Павлович, что тот бродит около шкафа с книгами и сквозь стекло читает их названия. У Федора Павловича водилось книг довольно, томов сотня с лишком, но никто никогда не видал его самого за книгой. Он тотчас же передал ключ от шкафа Смердякову: „Ну и читай, будешь библиотекарем, чем по двору шляться, садись да читай. Вот прочти эту”, — и Федор Павлович вынул ему „Вечера на хуторе близ Диканьки”.

Малый прочел, но остался недоволен, ни разу не усмехнулся, напротив, кончил нахмурившись.

— Что ж? Не смешно? — спросил Федор Павлович.

Смердяков молчал.

— Отвечай, дурак.

— Про неправду всё написано, — ухмыляясь, прошамкал Смердяков.

— Ну и убирайся к черту, лакейская ты душа. Стой, вот тебе „Всеобщая история” Смарагдова, тут уж всё правда, читай. Но Смердяков не прочел и десяти страниц из Смарагдова, показалось скучно. Так и закрылся опять шкаф с книгами» (14, 115).

Мы не знаем, какие именно немногие страницы и из какого конкретно выпуска учебного пособия С. Н. Смарагдова прочел Смердяков, но важно, что «правда», по выражению Федора Павловича, заключающаяся в сочинении этого историка, была весьма критической по отношению к Наполеону. Это в свое время вызвало даже отповедь Белинского, рецензировавшего смарагдовский труд. Он, в частности, писал: «История Наполеона у него — решительный памфлет. Можно подумать, что г. Смарагдов рассказывает современные события, для которых невозможно спокойное беспристрастие. Поступки Наполеона он называет то дерзкими, то наглými, то отвратительными — словом, решительно ругается... В египетской экспедиции он приписывает Наполеону бесчеловечные поступки; короче, по его мнению, такого ужасного человека, как Наполеон, и свет не производил... Sic transit gloria mundi!..»⁸ Конец этой книги критик и вовсе сравнил с «сухим перечнем, из которого ничего нельзя узнать»⁹.

Таким образом «скучной» и не вполне «правдивой» «Всеобщая история» Смарагдова оказалась отнюдь не одному только пятнадцатилетнему Смердякову. Если допустить, что Смердякову дали прочесть именно ту «Историю» Смарагдова, в которой говорилось о позднейших временах, то возможно, что уже тогда он полюбил, из чувства протеста, того, кого так сильно ругал автор рекомендованной ему Федором Павловичем книги. После краткого знакомства Смердякова с «Вечерами на хуторе близ Диканьки» его с негодованием отправили к черту. После непродолжительного чтения им «Всеобщей истории» Смарагдова он, так получилось, сам «отправился» к Наполеону. Как метко заметил Г. С. Померанц, «у Толстого Наполеон опрошается почти что в лакея, у Достоевского лакей начинает мыслить и смотреть Наполеоном»¹⁰.

В комментарии к словам Смердякова об «императоре Наполеоне французском первом, **отце** нынешнему» в 14-м томе полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 30 томах сообщается, что «Наполеон I не был отцом Наполеона III, о котором говорит Смердяков. Наполеон III был сыном брата Наполеона I — Людовика Бонапарта, короля Голландии» (15, 550). Однако дело здесь, как и практически всегда у Достоевского, вовсе не сводится к простой фактической «ошибке» или исторической «неточности» героя, тем более что тема родства двух Наполеонов затрагивалась писателем и ранее. В «Записках из Мертвого дома» (1861 — 1862) «самый решительный, самый бесстрашный из

⁸ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 8, стр. 293.

⁹ Там же.

¹⁰ Померанц Г. С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М., «Советский писатель», 1990, стр. 57 — 58.

всех каторжников» Петров спрашивал Горянчикова о Наполеоне III: действительно ли тот «родня тому, что в двенадцатом году был?» (4, 83).

Смердяков, сам будучи незаконнорожденным сыном Федора Павловича Карамазова, называет императора Наполеона I «отцом» Наполеона III, имея на это основания. Родившийся в 1808 году Шарль Луи Наполеон Бонапарт (будущий Наполеон III) почти не знал своего отца, Людовика Бонапарта, потому что ко времени его рождения отношения его родителей были напрочь испорчены. Еще при жизни Наполеона III ходили упорные слухи, что его настоящим отцом является вовсе не Людовик Бонапарт¹¹, да и сам Людовик «испытывал особую неприязнь» к этому ребенку и «всегда утверждал, что это не его сын»¹². При этом, согласно законам Первой империи, именно император Наполеон I выбрал имя для своего племянника¹³ — ребенка нарекли в честь деда (Шарлем), отца (Луи) и дяди (Наполеоном). Высказывались предположения, что именно император и являлся подлинным отцом детей своей падчерицы, королевы Гортензии¹⁴, но даже если эти слухи были абсолютно беспочвенны, достоверно известно, что Наполеон I был **крестным отцом** Наполеона III¹⁵, причем к моменту его крещения в ноябре 1810 года Гортензия и Людовик окончательно расстались друг с другом, а последний лишился голландской короны и впал в немилость могущественного старшего брата. Напомню, что перед тем как назвать Наполеона I «отцом» Наполеона III, Смердяков поет характерную песню:

Царская корона —
 Была бы моя милая здорова.
 Господи пом-и-илуй
 Ее и меня!
 Ее и меня!
 Ее и меня!
 (14, 204).

Иначе говоря, Наполеон I не просто стал *отцом* французской империи, возрожденной Наполеоном III, но он являлся и *крестным отцом* своего племянника (в условиях, когда настоящий отец от ребенка фактически отказался), а также тем, кто дал ему свое имя. При этом Смердяков, восхищающийся Наполеоном I именно как «отцом» Наполеона нынешнего, испытывает особую неприязнь к своему назначенному «отцу»-воспитателю — слуге Григорию Кутузову. Здесь Достоевский обыгрывает великое противостояние двух полководцев войны 1812 года — Наполеона, на которого ориентируется Смердяков, и Кутузова, названного в труде Смагдадова «достойным учеником Суворова, вождем, душою и именем русским»¹⁶.

На протяжении всего текста слуга Григорий Кутузов называется «стариком» (14; 85, 93, 127, 413, 414, 438, 444), (15; 18, 99, 163). Военачальника М. И. Кутузова в войну 1812 года также часто звали за глаза «стариком», что отразилось в мемуарах и художественной литературе. Да и сам М. И. Кутузов называл себя в письмах того времени «стариком»¹⁷.

¹¹ Бабина А. В. Наполеон III: Триумф и трагедия. М., «Этерна», 2021, стр. 41.

¹² Стэкстон Д. Бонапарты: от императора до наших дней. М., «Захаров», 2012, стр. 17.

¹³ Бабина А. В. Указ. соч., стр. 50 — 51.

¹⁴ Нечаев С. Ю. Антинаполеон. М., «Грифон», 2010, стр. 106; Черкасов П. П. Первые лица Франции: от Генриха IV до Эммануэля Макрона. М., Товарищество научных изданий КМК, 2019, стр. 277.

¹⁵ Бабина А. В. Указ. соч., стр. 61.

¹⁶ Смагдадов С. Н. Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений. СПб., Французская типография, 1844, стр. 536.

¹⁷ Синельников Ф. М. Жизнь фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова. СПб., «Русская симфония», 2007, стр. 354.

Автор описывает карамазовского слугу Григория Кутузова следующим образом: «Это был человек **твердый** и **неуклонный**, упорно и прямолинейно идущий к своей точке, если только эта точка по каким-нибудь причинам (часто удивительно нелогическим) становилась пред ним как непреложная истина. Вообще говоря, он был честен и неподкупен» (14, 86). Даже когда ему представлялась возможность уйти от своего взбалмошного господина после освобождения крестьян в 1861 году (к чему его настоятельно подталкивала жена, Марфа Игнатьевна), он решил, что все равно останется с прежним барином, так как в этом заключается его „долг“» (14, 86). «В некоторых вещах жизни надо было держать ухо востро, и при этом тяжело было без верного человека, а Григорий был человек **вернейший**. Даже так случалось, что Федор Павлович много раз в продолжение своей карьеры мог быть бит, и больно бит, и всегда выручал Григорий, хотя каждый раз прочитывал ему после того наставление» (14, 86), — отмечает повествователь.

Похожим образом описывал «главные свойства души» светлейшего князя Михаила Илларионовича Кутузова (1745 — 1813) один из его первых биографов Ф. М. Синельников в книге, впервые вышедшей вскоре после смерти генерал-фельдмаршала, в 1813 — 1814 годах: «Отличительнейшие черты светлейшего князя преимущественно были: великий и **твердый** дух, любовь к человечеству, **постоянство** в намерениях и предприятиях, **преданность** к Государю и приверженность к отечеству. Благоразумие, мужество и личная храбрость были неразлучные его спутники; а вера и закон христианский — наилучшее его руководство в жизни. Он столько радел о благе общественном, что презирал все подлые и язвительные действия злобы и зависти, которые всегда истощали свои усилия, дабы совратить его с того поприща, на котором он жертвовал собою отечеству. Тщетно друзья и родные его советовали ему, оставив государственную службу и общественное звание, рождающее столь много врагов и недоброжелателей, уклониться под безмятежную сень семейственного покоя. „Нет! — говорил он, — я никогда не перестану служить своему Государю и Отечеству, никогда не дам причины порадоваться врагам моим и сказать: „Мы превозмогли его“. Нет! Этого не будет”»¹⁸.

В своих казуистических рассуждениях о христианской вере Смердяков пытается насмешливо поучать слугу Григория: «Рассудите сами, Григорий Васильевич, — ровно и степенно, **сознавая победу**, но как бы и **великодушничая с разбитым противником**, продолжал Смердяков, — рассудите сами, Григорий Васильевич: ведь сказано же в Писании, что коли имеете веру хотя бы на самое малое даже зерно и притом скажете сей горе, чтобы съехала в море, то и съедет, нимало не медля, по первому же вашему приказанию. Что же, Григорий Васильевич, коли я неверующий, а вы столь верующий, что меня беспрерывно даже ругаете, то попробуйте сами-с сказать сей горе, чтобы не то чтобы в море (потому что до моря отсюда далеко-с), но даже хоть в речку нашу вонючую съехала, вот что у нас за садом течет, то и увидите сами в тот же момент, что ничего не съедет-с, а всё останется в прежнем порядке и целости, сколько бы вы ни кричали-с. А это означает, что и вы не веруете, Григорий Васильевич, надлежащим манером, а лишь других за то всячески ругаете. Опять-таки и то взявши, что никто в наше время, не только вы-с, но и решительно никто, начиная с самых даже высоких лиц до самого последнего мужика-с, не сможет спихнуть горы в море, кроме разве какого-нибудь одного человека на всей земле, много двух, да и то, может, где-нибудь там в пустыне египетской в секрете спасаются, так что их и не найдешь вовсе, — то коли так-с, коли все остальные выходят неверующие, то неужели же всех сих остальных, то есть население всей земли-с, кроме каких-нибудь тех двух пустынных, проклянет Господь и при милосердии Своем, столь известном, никому из них не простит?» (14, 120).

¹⁸ Синельников Ф. М. Жизнь фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова, стр. 424 — 425.

Почитатель Наполеона Смердяков, как видно из текста, не просто делится своими сомнениями относительно силы веры современных христиан, но пытается именно «победить», «разбить», одержать верх над слугой Григорием Васильевичем Кутузовым, имя которого отсылает сразу к трем выдающимся русским военачальникам и *слугам государевым*, не претендовавшим на высшую власть в стране: Григорию Потемкину, Александру Васильевичу Суворову и Михаилу Кутузову, причем во время Русско-турецкой войны 1787 — 1791 годов Потемкин был начальником Суворова, а Суворов — командиром Кутузова. Не верящий в Бога Смердяков полагает, что сдвинуть гору силою молитвы современному человеку невозможно, хотя именно эту способность и выделял в учителе Кутузова, Суворове, его младший современник Г. Р. Державин, причем за несколько лет до знаменитого Швейцарского горного похода 1799 года:

Ступит на горы — горы трещат;
Ляжет на море — бездны кипят;
Граду коснется — град упадает;
Башни рукою за облак бросает;
Дрогнет природа, бледнея пред ним;
Слабые трости шадятся лишь им¹⁹.

В записях последнего года жизни Достоевский неслучайно отметил как «лучших людей» в русском народе Алексея — человека Божия, Суворова, Кутузова и доктора Гааза (27, 53). Все эти образы в разной мере присутствуют в его итоговом романе, и все они являют принципиально иной, чем наполеоновский, тип взаимодействия с миром, который можно назвать принципом служения. Жизненное кредо Суворова заключалось в самоотверженном служении отечеству, царю и Богу, о чем Г. Р. Державин писал в «Снигире» (1800):

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов;
С горстью россиян все побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и Богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?²⁰

Фамилия штабс-капитана Снегирева в «Братьях Карамазовых» как раз и отсылает к Суворову через державинского «Снигирия» (на это первой указала Т. А. Касаткина²¹), причем этот герой, подобно господину Голядкину и генералу Иволгину, так же не чужд тому, чтобы разыграть шутовское представление и вдоволь поюродствовать на публику, следуя суворовской легенде, соскальзывающей в анекдот²².

¹⁹ Державин Г. Р. Песнь Ея Императорскому Величеству Екатерине II, На победы графа Суворова-Рымникского 1794 года. СПб., Типография Корпуса чужестранных единоверцев, 1794, стр. 4.

²⁰ Державин Г. Р. Сочинения: в 9 т. Т. 2. СПб., Типография Императорской Академии наук, 1865, стр. 347 — 348.

²¹ Касаткина Т. А. Предисловие. — Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. М., «Наука», 2007, стр. 8.

²² Подосокорский Н. Н. Суворовская легенда в творчестве Ф. М. Достоевского. — «Вопросы литературы», 2012, № 1.

Наполеон же, в отличие от служилых людей Суворова и Кутузова, использовал армию и религию в качестве инструмента для захвата, удержания и умножения личной власти. Неслучайно среди верующих христиан Испании, России и ряда других стран он получил прозвище «антихриста»²³. В «Братьях Карамазовых» антихристово начало Смердякова проявляется уже в истории его появления на свет: он родился в тот самый день, когда похоронили шести-палого младенца — сына слуги Григория, названного им «драконом» (14, 89). Это совершенно явно отсылает к книге Откровения Иоанна Богослова, в которой говорится, что дракон передал свою силу, престол и великую власть зверю, которому также были даны уста, «говорящие гордо и богохульно» (Откр. 13, 5). Именно этим и отличился Смердяков еще в детстве: «В детстве он очень любил вешать кошек и потом хоронить их с церемонией. Он надевал для этого простыню, что составляло вроде как бы ризы, и пел и махал чем-нибудь над мертвою кошкой, как будто кадил. Всё это потихоньку, в величайшей тайне. Григорий поймал его однажды на этом упражнении и больно наказал розгой. Тот ушел в угол и косился оттуда с неделю. „Не любит он нас с тобой, этот изверг, — говорил Григорий Марфе Игнатьевне, — да и никого не любит. Ты разве человек, — обращался он вдруг прямо к Смердякову, — ты не человек, ты из банной мокроты завелся, вот ты кто...” Смердяков, как оказалось впоследствии, никогда не мог простить ему этих слов. Григорий выучил его грамоте и, когда минуло ему лет двенадцать, стал учить священной истории. Но дело кончилось тотчас же ничем. Как-то однажды, всего только на втором или третьем уроке, мальчик вдруг усмехнулся.

— Чего ты? — спросил Григорий, грозно выглядывая на него из-под очков.

— Ничего-с. Свет создал Господь Бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый день. Откуда же свет-то сиял в первый день?

Григорий остолбенел. Мальчик насмешливо глядел на учителя. Даже было во взгляде его что-то высокомерное. Григорий не выдержал. „А вот откуда!” — крикнул он и неистово ударил ученика по щеке. Мальчик вынес пощечину, не возразив ни слова, но забился опять в угол на несколько дней. Как раз случилось так, что через неделю у него объявилась падающая болезнь в первый раз в жизни, не покидавшая его потом во всю жизнь» (14, 114).

II

Нечаянный свидетель тирады о Наполеоне в главе «Смердяков с гитарой» — Алеша Карамазов — в следующей главе «Братья знакомятся» вновь слышит о знаменитом имени, но уже от брата Ивана. Иван Федорович спрашивает его: «Отвечай: мы для чего здесь сошлись? Чтобы говорить о любви к Катерине Ивановне, о старике и Дмитрие? О загранице? О роковом положении России? **Об императоре Наполеоне?** Так ли, для этого ли?»

— Нет, не для этого.

— Сам понимаешь, значит, для чего. Другим одно, а нам, желторотым, другое, нам прежде всего надо предвечные вопросы разрешить, вот наша забота» (14, 212).

Иван ставит разговор о Наполеоне в один ряд с роковым положением России и заграницей, но тем не менее как будто бы не желает об этом говорить именно с Алешей. Однако несколькими страницами ранее о загранице, роковом положении России и об императоре Наполеоне говорил в меру своего понимания «ученик» Ивана — Смердяков. Зачастую одни персонажи в романах Достоевского явно проговаривают самые сокровенные мысли других героев, те

²³ Медников И. Ю. Нашествие «Антихриста»: французы в зеркале Войны за независимость Испании. — «Французский ежегодник 2012», М., ИВИ РАН, 2012, стр. 299; Мельникова Л. Ангел и демон. Александр и Наполеон в восприятии современников. — «Родина», 2012, № 6.

их заветные желания и идеи, которые сами эти герои публично сформулировать и реализовать не смеют, придают их теоретическим построениям логическую завершенность. Интерес Ивана Карамазова к Наполеону, о котором он говорит лишь вскользь, в данном случае примитивизируется Смердяковым: «хорошо кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе».

Из вопросов Ивана, обращенных к Алеше, не вполне понятно, о каком именно Наполеоне он «не желает» говорить, хотя в указателе имен полного собрания сочинений в 30 томах это упоминание и отнесено к имени Наполеона I (17, 469). Наполеон III, который на тот момент правил Францией, и над полицейским режимом которого иронизировал в монастыре Петр Александрович Миусов (14, 62), несомненно, приковывал к себе внимание в середине 1860-х годов (именно тогда происходит действие романа «Братья Карамазовы») многими событиями: экономическим кризисом во Франции, мексиканской авантюрой, потворством усилению Пруссии, даже публикацией на русском языке его сочинения «История Юлия Цезаря» и др. Двусмысленность относительно «императора Наполеона» в словах Ивана может объясняться и тем, что оба они являлись для Достоевского выразителями одного и того же начала, представителями «неслыханной династии, претендовавшей на бесконечность» (21, 107).

Предвечные вопросы Иван Карамазов попытался разрешить в своей поэме о Великом инквизиторе, в которой девятистолетний кардинал преклоняется перед мудростью дьявола, в трех вопросах которого Христу была «как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле» (14, 230). Еще В. В. Розанов отмечал, что поэма не могла быть написана ранее XIX столетия: «Пятнадцать веков минувшей истории здесь названы потому только, что самый разговор Инквизитора с Христом представляется происходящим в XVI столетии; но он писался в XIX в., и, если бы возможно было сделать это без грубого нарушения правдоподобия, Инквизитору следовало бы согласиться на все девятнадцать веков: все, о чем он говорит далее и на что указал словами — „это не могло быть видно тогда“, — обнаружилось окончательно только в наше, текущее столетие, и никаких даже предвестников этого не было еще в эпоху, когда происходила описываемая сцена»²⁴. Действительно, место и время, а также историческая обстановка в поэме весьма условны. В картине инквизиции в Испании XVI века, в монологе старого кардинала, созданных воображением Ивана, проступают линии мирового исторического развития до и после пришествия Христа, остро ставятся вопросы о конечных целях этого развития.

Кардинал обвиняет Христа в том, что Тот не поддался третьему искушению дьявола в пустыне и не взял меч и порфиру кесаря, чтобы объединить все народы в единую земную империю, разрешив тем самым вековечную тоску по всеединству, охватившую их со времен Вавилонского столпотворения²⁵. «Всегда человечество в целом своем стремилось устроиться непременно всемирно. Много было великих народов с великою историей, но чем выше были эти народы, тем были и несчастнее, ибо сильнее других сознавали потребность всемирности соединения людей. Великие завоеватели, Тимур и Чингис-хань, пролетели как вихрь по земле, стремясь завоевать вселенную, но и те, хотя и бессознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко

²⁴ Розанов В. В. Собрание сочинений. Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М., «Республика», 1996, стр. 74.

²⁵ О роли этого дьявольского искушения в жизни Наполеона см.: Подосокорский Н. Н. Наполеон-Солнце в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». — Достоевский и мировая культура. Филологический журнал, 2023, № 2 (22).

всемирному и всеобщему единению. Приняв мир и порфиру кесаря, основал бы всемирное царство и дал всемирный покой. Ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их» (14, 235). В черновых набросках к роману в числе великих завоевателей также был упомянут правитель гуннов Аттила (V в.): «Потребность соединиться в одно: Чингис-ханы, Тимур, Аттилы, Великая Рим<ская> империя, которую Ты разрушил, ибо разрушил ее Ты, а не кто иной» (15, 235).

Понятно, что католический первосвященник — плод автора XIX века; в его монологе затрагиваются исторические противоречия, которые раскрылись лишь после ужасов Великой французской революции, уже в наполеоновскую эпоху. Век бесчинства ума, свободного от совести, и позитивистской науки, век атеизма и возвеличения рационалистического идеала человека породил непокорных и свирепых бунтовщиков с «гордостью ребенка и школьника», которые, ниспровергнув храмы и залив кровью землю, догадались наконец, что «хоть они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственного бунта своего не выдерживающие» (14, 233). Период смятения и богохульства, то есть ничем не ограниченной свободы *многих*, сменился периодом произвола *одного*, деспотизмом великого властителя, которому в отчаянии поклонилось миллионное стадо, всецело уверовав в правоту его *тайны*.

Неудивительно, что старый инквизитор говорит об азиатских властителях как о восточных «Наполеонах». Сравнение Наполеона с Аттилой, Чингисханом, Батмем и Тамерланом было общим местом в антибонапартистской литературе первой четверти XIX века. «Атиллою [так в тексте! — *Н. П.*] новейших времен» называл Наполеона император Александр I в письме к принцу Карлу-Юхану от 19 сентября 1812 года²⁶. Г. Р. Державин в «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов из отечества» (1813) сравнил Наполеона с Тамерланом:

Какая честь из рода в род
России, слава незабвенна,
Что ей избавлена вселенна
От новых Тамерлана орд!²⁷

Н. М. Карамзин в стихотворении «Освобождение Европы и слава Александра I» (1814) также писал о Наполеоне:

Ничто Аттилы, Чингисханы,
Ничто Батмем, Тамерланы
Пред ним в свирепости своей.
Они в степях образовались,
Среди рыкающих зверей,
И в веки варварства являлись, —
Сей лютый тигр, не человек,
Явился в просвещенный век²⁸.

Российская пропагандистская брошюра с красноречивым названием «Наполеон с причетом своим, или Характеристическое и биографическое описание властителя Франции и пресловутых его братьев, гражданских и военных чиновников, герцогов, маршалов и генералов, имевших участие и действие при вторжении Наполеона в Россию 1812 года» (1813) начиналась с подобного сравнения: «Сколько ужасных воспоминаний соединяется при одном

²⁶ Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801 — 1914. В 4 т. Т. 1. М., «Кучково поле», 2017, стр. 292.

²⁷ Державин Г. Р. Сочинения: в 9 т. Т. 3. СПб., Типография Императорской Академии наук, 1866, стр. 153.

²⁸ Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. М. — Л., «Советский писатель», 1966, стр. 301.

имени *Наполеона*, нареченного рабами его *великим, мудрым*. Великие дела его властолюбия и жестокости и та мнимая мудрость, или тонкие обманы лживой его политики, несравненны с великими делами образцов его Александра Македонского, Нерона, Калигулы, Аттилы, Тамерлана и подобных бичей человечества. Непросвещенные и просвещенные народы видели в сих тиранах своих надменных завоевателей, а подданные Государей, упоенных честолюбием и занятых славою, которой они жертвовали спокойствием и благоденствием своих мирных подданных. Наполеон, превосходя сих тиранов древних веков в мерах жестокости, честолюбия и низости души, и для покоренных им народов (под видом распространения своего благоденствия и человеколюбия) и для подданных (под видом прославления *вверяемых* ему Провидением народов) — есть губитель и злодей»²⁹.

В опубликованном в 1814 году в Москве «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» французский император многократно уподоблялся Аттиле³⁰, Чингисхану³¹, Батью³² и Тамерлану³³ и т. п. Такими же сравнениями осыпали Наполеона и в Европе. Сборник анекдотов «*Napoléoniana ou recueil d'anecdotes, saillies, bons mots, réparties, etc., pour servir à l'histoire de la vie de Buonaparte*», вышедший во Франции в 1814 году и составленный противником Бонапарта Ш.М.Ф. де Ламетом, открывался портретом Наполеона, под которым находилась эпиграмма:

По образцу Атиллы и самых страшных тиранов,
я возжелал завоевать оба полушария,
и что же мне осталось — лишь кусочек земли»³⁴.

А 19 марта 1815 года (всего за день до триумфального возвращения Наполеона в Париж в период т. н. Ста дней) в газете «Журналь де деба» появилась заметка Бенджамена Константа против «людоеда Бонапарта», в которой говорилось: «На стороне короля — конституционная свобода, безопасность, мир; на стороне Бонапарта — рабство, анархия и война... Он — Аттила, он — Чингисхан, только более страшный и отвратительный»³⁵.

Похожий упрек в адрес современных, цивилизованных кровопроливцев, которые уже поэтому хуже *Аттил* древности, что многое сознают, содержится и в «Записках из подполья» Достоевского: «Да оглянитесь кругом: кровь рекою льется, да еще развеселым таким образом, точно шампанское. Вот вам всё наше девятнадцатое столетие, в котором жил и Бокль. Вот вам Наполеон — и великий, и теперешний. Вот вам Северная Америка — вековечный союз. Вот вам, наконец, карикатурный Шлезвиг-Гольштейн... И что такое смягчает в нас цивилизация? Цивилизация вырабатывает в человеке только многосторонность ощущений и... решительно ничего больше. А через развитие этой многосторонности человек еще, пожалуй, дойдет до того, что отыщет в крови наслаждение. Ведь это уж и случилось с ним. Замечали ли вы, что самые утонченные кровопроливцы

²⁹ Наполеон с причетом своим, или Характеристическое и биографическое описание властителя Франции и пресловутых его братьев, гражданских и военных чиновников, герцогов, маршалов и генералов, имевших участие и действие при вторжении Наполеона в Россию 1812 года. М., в Университетской типографии, 1813, стр. 1 — 2.

³⁰ Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание. М., «Языки славянской культуры», 2015, стр. 66, 69, 70, 73, 102, 117, 353, 356, 391.

³¹ Там же, стр. 102, 323, 391.

³² Там же, стр. 110, 184, 356.

³³ Там же, стр. 110, 391.

³⁴ Голубков А. В. *Napartiana*: анекдот о Наполеоне Бонапарте во французской культуре первой половины XIX века. — Статьи о французской литературе. К 100-летию Л. Г. Андреева. М., «Литфакт», 2022, стр. 145.

³⁵ Троицкий Н. А. Наполеон Великий. В 2 т. Т. 2. М., «Политическая энциклопедия», 2020, стр. 389.

почти сплошь были самые цивилизованные господа, которым все эти разные Атиллы да Стеньки Разины иной раз в подметки не годились, и если они не так ярко бросаются в глаза, как Атилла и Стенька Разин, так это именно потому, что они слишком часто встречаются, слишком обыкновенны, примелькались. По крайней мере, от цивилизации человек стал если не более кровожаден, то уже, наверно, хуже, гаже кровожаден, чем прежде. Прежде он видел в кровопролитии справедливость и с покойною совестью истреблял кого следовало; теперь же мы хоть и считаем кровопролитие гадостью, а все-таки этой гадостью занимаемся, да еще больше, чем прежде. Что хуже? — сами решите» (5, 112).

Как пишет историк Н. А. Троицкий: «После Тильзита Наполеон, по выражению Н. А. Полевого, „забыл, что есть же всему предел”, и с высоты, казалось, недостижимого, но им достигнутого величия посчитал возможным, как он заявит своим сенаторам, „обеспечить за Францией господство над всем светом”, вознамерился, говоря стихами В. Гюго,

Весь мир одушевить Парижем,
В Париже воплотить весь мир.

В беседах с Э. Лас-Казом на острове Святой Елены Наполеон так изложил свой план: „Вся Европа составила бы один народ, одно семейство. Везде были бы одни законы, одни деньги, одна мера весов. Я бы потребовал, чтобы не только моря, но и все реки были открыты для всеобщей торговли, чтобы войска всех держав ограничились одной Гвардией Государей³⁶. Своего сына я сделал бы соцарствующим императором. Кончилось бы мое диктаторское правление и началось бы конституционное. Париж стал бы столицей мира”³⁷.

По мысли главного идеолога семьи Карамазовых, Наполеоны и Чингисханы были призваны исправить «ошибку» Христа и поработить народы, чтобы дать им «всемирный покой и счастье». Великий инквизитор стремится пройти наполеоновский путь с другого конца. Если Наполеон, получивший светскую власть, возмечтал о власти духовной, то католический первосвященник, наоборот, имея власть духовную, желает еще и власти кесаря. Начальные зарисовки к этой химере можно найти еще в комической повести Достоевского «Дядюшкин сон» (1859), где сошедший с ума князь К. был разительно похож и на Наполеона, и на «одного старинного папу» (2, 365). Затем в романе «Преступление и наказание» (1866) писателем был отражен миф о Наполеоне как Мессии³⁸.

Какие цели преследует автор поэмы Иван Карамазов? Его философия — это философия революционера, как и философия Раскольниковова; так как главное для него — это все-таки не объяснить мир, но изменить его. О «Наполеоне, Перикле, предводителе русского восстания» Достоевский думал и во время переработки повести «Двойник» (1, 434), и позднее. Чтобы выдвинуться на первый план из безвестности, достигнуть абсолютной власти в условиях кризиса монархической России, необходим был слом старого порядка, всплеск анархии и революционного террора, после которого общество ощутило бы сильную руку единоличного деспота.

Европа для Ивана, по его собственному признанию, — это «кладбище» дорогих ему «покойников» (14, 210), один из которых — Наполеон. Мистик Иван Федорович Карамазов глубоко в душе мечтает возродить дух Наполеона,

³⁶ Как тут не вспомнить Смердякова, желавшего уничтожения всех российских солдат.

³⁷ Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон. История в лицах. М., «Высшая школа», 1994, стр. 153.

³⁸ Подосокорский Н. Н. Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона. — Достоевский и мировая культура. Филологический журнал, 2022, № 2 (18).

императора-пророка, законодателя и полководца, который снова пронесся бы по земле в новом обличье, чтобы реализовать наконец давнюю мечту человечества о всеединстве. При этом сам Иван не решается сделаться «русским Бонапартом», не верит в силу национальных корней и ожидает спасения России от Запада. Неслучайно прокурор отметил в его характере воплощение нашего «европеизма» (15, 128). Потому-то его, «второго Чаадаева», так и раздражает комическое западничество учащего французские вокабулы Смердякова, который «Россию проклинал и над нею смеялся», «мечтал уехать во Францию, с тем чтобы переделаться во француза», сетуя на то, что «на это недостает ему средств», «никого не любил, кроме себя, уважал же себя до странности высоко», а «просвещение видел в хорошем платье, в чистых манишках и в вычищенных сапогах» (15, 164). Иван же втайне и сам хотел уехать в Европу, прикоснуться ближе к плодам западной цивилизации и европейского просвещения, но выглядеть это, по его мнению, должно было более красиво и утонченно, не по-смердяковски.

